

Добравшись до покоев, Фэн Мин вошёл внутрь, где увидел Жун Тяня, который, к слову, чинно восседал за столиком для занятий и сосредоточенно читал новый доклад от Мянью Я. Парень, остановившись около дверного проёма, осмотрелся по сторонам, «разныхивая» обстановку.

Почувств, что любимый феникс вернулся, Жун Тянь отложил бумаги и обратился к нему, протянув руку:

— Всё же вспомнил о возвращении?

Не заметив в мужчине и шелковинки злости, князь в душе испытал огромное облегчение и, с шумом подпрыгнув, бросился навстречу Жун Тяню. Мужчина, поймав и обвив руками талию Его Светлости, усадил юношу к себе на колени.

— Сегодня перед уходом ты что обещал? И только сейчас вспомнил о возвращении, вот уж и впрямь хочется как следует отшлёпать твою маленькую задницу. — Натянуто улыбаясь, мужчина с силой перевернул находящегося на императорских коленях непослушного красивого молодого юношу попой кверху. И большой ладонью двусмысленно погладил ягодицы: — Думаешь, не отшлёпаю?

— Я уже достаточно несчастен, так ещё и ты хочешь меня отшлёпать? — Фэн Мин презрительно фыркнул и, довольно устроившись на императорских бёдрах — всё ещё продолжая на них лежать животом вниз — по порядку посчитал: — Знаешь, как много у меня сегодня дел было? Всё равно что побывал на войне. Как только выдворил какого-то тунского чиновника, так нагрянул Хун Юй и продолжил беседу насчёт создания литейной мастерской, еле как выпроводил его, и вскоре прибыл человек Цин Чжана, который сообщил, что тридцатого числа следующего месяца состоится пышная церемония дня рождения правителя Тун — Цин Дина. Во-первых, церемония будет проводиться в стенах дворца Цин Ли, Тунъань, а во-вторых, он спросил, хочу ли я принять участие, чтобы как раз под этим предлогом выразить свою искренность, в итоге как только этот тип удалился, немедля ворвался Ло Дэн. Ну почему так много торговых дел у рода Сяо, а? При взгляде на список этих дел моя голова пошла кругом...

Утешающе глядя чёрные локоны покладистого юноши, Жун Тянь с улыбкой на лице слушал многословные жалобы любимого феникса. Фэн Мин, в свою очередь, почувствовав себя очень комфортно, наклонил шею и положил на неё руку правителя Силэй, небрежно обронив:

— Будь пайнёк, помоги мне, разотри мышцы.

Мужчина, повинувшись «приказу», принялся осторожно массировать. С княжеских уст слетел непринуждённый вздох, сам Фэн Мин, прищурившись, напомнил блаженствующего на солнышке котика. Спустя какое-то время, что-то вспомнив, Его Светлость открыл глаза со словами:

— Да, кстати, я тебе говорил, что согласился материально помочь другу У Цяня, Хун Юю, который хочет открыть новую литейную мастерскую? Жун Ху изучил все записи двух-трёх

учётных книг, оказывается, у рода Сяо некогда в пригороде Тунцзэ существовала мастерская по отливке оружия, которая раньше снабжала клинками сынов семьи Сяо, что помогали сопровождать торговые суда, вот только потом литейная мастерская открылась в Ли, а та, что была в Тунцзэ, потихоньку пришла в запустение. Ло Дэн сказал, что хоть здание много лет пустует, однако в глинобитном доме, который до сих пор стоит на том же участке, всё ещё теплится огонь, возможно, если его отремонтировать, то как раз сгодится для испытательной площадки Хун Юя... — спокойно рассуждал князь, склонив голову набок, тем самым прислонившись щекой к крепкому, сплошь покрытому мускулами, бедру.

Жун Тянь, опустив голову, смотрел на любимого феникса и, внезапно вытянув длинные пальцы и скользнув по прямой, словно стрела, спинке носа, слегка надавил на поднятый вверх кончик.

— Так много говоришь с одной лишь целью — улизнуть на улицу поразвлечься, — разоблачил его мужчина.

Держась за нос, князь сел, с негодованием возмущаясь:

— Я столько беспокоюсь о государственных делах, что работаю сутками напролёт, а ведь так, рано или поздно, можно и перетрудиться, и, кто знает, может, вообще впаду в депрессию! Смотри, насколько я послушный, поэтому-то ты должен позволить мне развеяться! Так много дней ехали в Тун, и то по прибытии сюда — либо банкет, либо визиты, мои ноги так и не ходили по улочкам Тунцзэ!

Подняв голову, Жун Тянь, казалось, задумался ненадолго, но вскоре на губах появилась шелковинка потворствующей улыбки, а сам император Силэй проговорил:

— Верно, действительно трудишься и днём и ночью: днём тяжело работаешь, и ночью физический труд — твоя поясница до сих пор болит? — Как раз кстати большая ладонь мужчины утешающе скользнула по талии Его Светлости.

Фэн Мин тотчас же обомлел и только тогда, поняв, что его вновь обвели вокруг пальца[1], залился румянцем, после чего попытался вывернуться из объятий государя, гневно выплёвывая:

— Даже не думай трогать этого князя Мина, ах, невежественный правитель, у которого нет никаких моральных устоев[2]. Мне завтра нужно ехать смотреть, как проводится отливка, потому сегодня хочу побереечь силы. Это ведь на самом деле служебная обязанность, и никто не должен ей препятствовать.

Однако не так уж и легко было высвободиться из огромных лап похотливого мужчины.

Поднявшись на ноги, Жун Тянь подошёл к любимому фениксу и немедля с лёгкостью обнял его со спины: пользуясь массой собственного тела и удобным случаем, силэйский государь

наклонился вбок, заваливая Его Светлость на постель. Оттого, что двое мужчин близко прижимались друг к другу, реакция нижней части тела Жун Тяня, конечно же, не ускользнула от взора Фэн Мина, который, в свою очередь, почувствовав сквозь одежду упирающийся в него горячий член, уже хотел было протестовать. Но Жун Тянь шепнул на ушко:

— Может быть, дня через два я уеду отсюда, потому будет лучше, если ты как можно скорее ухватишься за выпавшую возможность и приласкаешь меня несколько раз.

От услышанного Фэн Мин оторопел и, останавливая «волчьи лапы»[3], блуждающие по телу, сел, задавая вопрос:

— Как через два дня уезжаешь? Ты позавчера говорил, что, согласно правилам этикета, официальные послы Силэй дождутся окончания церемонии празднования дня рождения Цин Дина. Ведь после того, как они покинут Тунцзэ, да и саму страну, тогда надо действовать?

В момент, когда государь наслаждался красивым телом юноши, очертания и упругость которого увлекали, Фэн Мин внезапно сел прямо — объятия тотчас опустели, обдавая неприятным холодом, вскоре мужчина вытянул руку и, вновь обхватив князя и повалив на постель, прижал к себе, дабы вместе полежать. Двое мужчин вплотную прижимались друг к другу, но никто из них не захотел продолжить начатое грешное занятие.

Тесно прижавшись щекой к щеке Фэн Мина, Жун Тянь ощущал теплоту тела любимого феникса:

— Мянью Я прислал новые сведения, — прервал молчание государь, — где говорится, что, вероятно, в Юэчжун произошла утечка информации.

— Как такое возможно? — выражение лица Фэн Мина стало серьёзным. — Мы крайне осторожно въехали в город — министр обманом открыл городские ворота. Цзы Янь после вторжения схватил сторожевые войска городской стены, да ещё пробежался взглядом по именному списку. Под тщательной охраной как могла произойти утечка информации?

На что Жун Тянь спокойно ответил:

— В конце концов, в этом городе, где проживает множество людей, помимо сторожевых войск есть немало простого населения, у которого также имеется своё мнение, к тому же в окрестностях города находится густой лес, нельзя поручиться, что в тех местах нет домов, где живут люди. Наши несколько тысяч солдат ворвались в город вечером, наделав много шума, и хоть мы надеялись, что никто не обратит на это внимания, однако Юэчжун располагается на границе между Юнъинь и Силэй, потому вполне предсказуемо, что новость о захвате города рано или поздно разлетится по округе.

— И впрямь хуже некуда, — вспомнив об оставшихся там Цянь Лине с Вэй Цюнян, князь встревожился и принял горестный вид. — Что же теперь делать? В Юэчжун находятся

несколько тысяч солдат, уезжая оттуда, мы прихватили с собой Жун Ху, Мянью Я, Цзы Яня и часть лучших бойцов. Ах, знал бы раньше, оставил бы Цянь Линю их в качестве дополнительной охраны. И неизвестно, как госпожа Вэй Цюнян обучила Цянь Линя, в крайнем случае отправим многотысячную армию Силэй... Как некстати Юн И отправился искать Ле-эра, может быть, найдётся возможность обсудить с ним ещё и данное дело. — Охваченный думами и волнением Фэн Мин невольно с изумлением воззрелся на Жун Тяня и, смерив последнего взглядом, спросил: — Эй, а ты часом меня не обманываешь? Отчего ты такой невозмутимый?!

Жун Тянь, в самом деле выражая крайнюю беззаботность, потрепал недоверчивого князя по двум мягким и гладким щёчкам:

— Когда этот государь помогает тебе анализировать ситуацию, ты позволяешь ему вздохнуть свободнее. Для начала, основание доклада Мянью Я строится на донесении лазутчиков: Тун-эру сейчас известно немного из того, что произошло в Юэчжун. Иными словами, Тун-эр, вероятно, знает лишь о моём вторжении в Юэчжун, а подробности о нынешнем положении там, о нашей связи с принцем Юн И и особенно о том, что я, настоящий правитель Силэй, в конце концов нахожусь сейчас не в Юэчжун, Тун-эр, должно быть, ещё не разузнал. Данный момент называется «враг в тучах». Ещё раз скажи, как это называется? Помнится, ты однажды уже учил меня этому.

Не выдержав, Фэн Мин ударил мужчину кулаком:

— Нет же, это «враг сейчас словно в тумане», что означает «из-за чего-то быть в недоумении»! Ты сейчас решил вовлечь меня в урок военного искусства, это что ещё за манера — лежишь мотаешь головой?! А ну, быстрее рассказывай, что дальше.

Толстокожий[4] Жун Тянь воспринимал все побои, коими осыпал его Фэн Мин, как зуд или щекотку, поэтому, не обращая на них внимания, со вздохом прервал молчание:

— «Из-за чего-то быть в недоумении» — получил такого глупого ученика, как ты, который этого наставника рано или поздно сведёт живьём в могилу. — Улыбнувшись, государь схватил дерущегося князя за руки и крепко зажал в своих сильных ладонях в знак наказания, после чего добавил: — Что бы ты сделал, будучи Тун-эром?

На что Его Светлость, не скрывая, закатил глаза:

— Неужели опять! Разве не ты только что говорил, что поможешь мне проанализировать ситуацию? Так почему сейчас вновь собираешься проверять меня? Не нужно сравнивать свои военные навыки с моими, идёт? Несправедливое состязание крайне безнравственно. Всякий раз, когда так делаешь, я чувствую себя идиотом, ты даже коленями соображаешь куда лучше, чем я — головой, а...

Что бы там князь ни говорил, однако, немного поворчав, всё же постарался пошевелить мозгами.

— Будь я Тун-эром? Тун-эр, этот тип, сейчас слишком обеспокоен тем, как бы сторонники государя престол не увели, и наверняка больше всего боится тебя, настоящего правителя Силэй, и твоего внезапного появления в стране. Поэтому, будь я на его месте... — Фэн Мин подумал и очень неуверенно отозвался: — ...то как следует сначала разузнал бы любыми способами, где ты находишься, в конце концов, в Юэчжун или нет. И ладно, если ты не отыщешься там, а если выяснится обратное, то немедля велел бы многотысячной армии атаковать стены Юэчжун и как раз поймал бы тебя, словно черепаху в глиняном горшке[5]. Хорошо, а-а, я не рассказывал тебе про черепаху[6] — это была идиома.

Жун Тянь в знак поощрения похлопал Фэн Мина по затылку:

— Правильно мыслишь, Тун-эру сейчас хочется уничтожить лишь одного человека — меня, если он узнает, что мы с тобой находимся в Юэчжун, то немедля отправит армию атаковать горный город.

Фэн Мин заволновался:

— В таком случае прикажи Мянью Я ночью спешно отправиться в Юэчжун предупредить Цянь Линя. Пусть непременно распространит слух, что тебя нет в городе, дабы многочисленное войско Силэй не совершило огромнейшую ошибку, это ведь не шутки.

— Успокойся, этот государь уже отправил гонца с данным посланием.

— М-м, — Фэн Мин немного успокоился.

— Вот только отправил не в Юэчжун, а напрямиком в столицу Силэй.

— Ха?

— Распространяемая новость будет заключаться вовсе не в том, что этого государя нет в Юэчжун. А как раз наоборот, нужно распустить слух среди силэйского народа, что в данный момент этот государь находится в Юэчжун.

— Что? — Фэн Мин напрягся и тотчас же сел прямо, словно отпружинив от кровати. И, склонив голову набок, князь воззрился на Жун Тяня со словами: — Ты же не задумал лишить жизни Цянь Линя с кучей лучших солдат, оставшихся там, в городе?

— Не волнуйся, собрать многотысячное войско — дело времени, к тому же Тун-эру сейчас ещё неизвестно, там я или нет. По крайней мере, за то время, что он будет подготавливать войско, мои люди успеют распространить сплетни до Сицинь.

Фэн Мин на самом деле до скрежета зубов ненавидел невозмутимость на лице Жун Тяня, поэтому с громким стуком ударил по кровати[7]:

— Для чего ты распространишь подобную ложь, а?! Чтобы Тун-эр ещё больше воодушевился и решил окончательно штурмовать город? Я вот что тебе скажу: хоть в Юэчжун и есть потрясающий военным мастерством главный полководец Вэй Цянь, однако война, в которой малое войско выступает против многотысячного, всегда ожесточённая, даже если удастся одержать победу, то она будет крайне трагичной. Я совершенно не понимаю, о чём ты думаешь, неужели намерен воспользоваться тактикой «выманить тигра с гор»[8], и когда Тун-эр явится штурмовать городские стены, проберёшься обратно в Силэй, где захватишь престол? Ты намерен пожертвовать Цянь Линем и народом Юэчжун?

На что Жун Тянь горько улыбнулся:

— Помня твою речь на банкете в стенах дворца Тун о ценности жизни каждого человека, как я посмею бесцеремонно взять и пожертвовать жизнью Цянь Линя и остальных людей?

Пребывая в замешательстве, Фэн Мин поднял голову, всем видом показывая непонимание.

Вероятно, он был прав. Ведь когда разговор доходил до ведения государственных дел и военных способностей, Его Светлость, даже подгоняя коня, не мог догнать этого наполненного изощрёнными планами хитреца Жун Тяня.

Мужчина прервал молчание, спросив:

— Тун-эр действительно очень хочет моей смерти?

— Ага-а, — кивнул князь.

— А услышав сплетни и ошибочно подумав, что я в Юэчжун, примет ли Тун-эр решение двинуть войска на штурм города, полагая во что бы то ни стало убить меня?

— Верно-о.

— А для переброски войск потребуется немалая военная мощь?

— Конечно.

— В таком случае в чьих руках сейчас находится командование огромной армией Силэй?

Князь широко открыл рот и, подумав, внезапно хлопнул по бедру:

— В руках Тун Цзяньмина! Я понял! — Грусть полностью исчезла с миловидного личика, а сам князь резко от радости вскочил: — Тун-эр захочет атаковать город, а для этого необходимо

будет получить право на переброску войск, однако контроль над всей армией находится у его дядюшки — генерала Туна. В желании захватить командование Тун-эр тогда, вероятно, поругается с дядюшкой. Ой-ой, плохо дело! — Его Светлость неожиданно переменялся в лице. — А что если и генерал Тун захочет прикончить тебя и согласится помочь племяннику перекинуть войска, что делать тогда? Не стоит забывать, что он однажды лично устроил тебе засаду, м-м, вот только ему не повезло, и впоследствии ты его схватил живьём.

Однако силэйский государь был преисполнен уверенности:

— У меня есть три довода[9], которые могут гарантировать, что Тун Цзяньмин категорически не одобрит действия Тун-эра.

Мозговые шестерёнки сейчас пришли в движение, и, отреагировав чуть быстрее, чем обычно, Фэн Мин выпалил:

— О первом доводе даже мои коленки догадались, после того, как ты тогда его поймал живьём, а затем отпустил. И если у этого человека осталась хоть капля совести, то он вряд ли позволит Тун-эру вместе с огромной армией атаковать тебя. По поводу второго довода я в какой-то мере думаю так же, как изначально предполагал господин министр: что произойдёт спустя такой отрезок времени при отсутствии внешних врагов. Силэская смута была подобна забродившему вину, и сейчас между Тун-эром и дядюшкой противоречий стало ещё больше, поэтому генерал Тун не позволит племяннику совать нос в военные дела, верно?

Губы Жун Тяня изогнулись в демонической и в то же время прекрасной улыбке:

— Если ты угадаешь и третий довод, тогда я на протяжении трёх вечеров позволю тебе быть сверху.

Но кто бы мог подумать, что плечи молодого господина Сяо немедля поникнут, а сам Фэн Мин удручённо проронит:

— Всякий раз ты повышаешь уровень условий, в которых, на первый взгляд, у меня есть преимущества, но в итоге они переходят к тебе. Наверняка третий довод я вряд ли угадаю... — договорив и не желая мириться, князь схватил Жун Тяня за ухо, после чего скорчил злую мину: — Нельзя вешать интригу, а ну, скорее выкладывай третий довод.

На этот раз силэйский государь крайне прямодушно раскрыл императорскую тайну[10]:

— У меня в Сицинь, кроме дислокации армии, есть приближённые люди, которые готовы сделать всё возможное, чтобы Тун Цзяньмин задумался, услышав слухи о нахождении этого государя в Юэчжун, о тайных намерениях Тун-эра.

— Уа, так это отвлекающий манёвр, ведущий в ловушку, — Фэн Мин, подумав немного, осознал

это и восхищённо посмотрел на любимого.

Новость о пребывании силэйского государя в Юэчжун, разлетевшаяся по Сицинь, потрясёт не только Тун-эра, но и держащий в своей власти армию главнокомандующий Тун Цзяньмин наверняка отправит людей всё разведать. А если подчинённые Жун Тяня окажутся достаточно умными, то позволят Тун Цзяньмину посчитать, что данное дело нарочно создано руками Жун Туна с целью захватить контроль над армией, к тому же племянник лично вынудит отдать ему власть над войсками, в таком случае отношения между дядей и племянником из холодной войны перерастут в расколившуюся до бела вражду, которая способна будет поссорить[11] их. Кто-то скажет, что отношения между ними изначально были натянутыми, так что и впрямь будет легко посеять вражду.

Пусть продолжают в том же духе: когда собака кусает собаку, у обоих во рту клочья шерсти[12], в конфликте журавля с пауком выгода достаётся рыбаку[13]!

И этим рыбаком, само собой разумеется, окажется расчётливый и полный коварства Жун Тянь. Замечательно.

Тун-эр захочет выдвинуть войска, а Тун Цзяньмин не согласится передать контроль над армией, к тому же Юэчжун, в конце концов, находится во владении Юньинь. Ещё некоторое время назад городок отошёл Юн И, во всём этом слишком много препятствий, причём настолько, что силэйская армия, не успев достигнуть городских ворот «врага», из-за внутренней борьбы между их государем и генералом растеряет боевой дух и обленится. Во всяком случае, если пораскинуть мозгами, так оно и произойдёт — сам город не подвергнется серьёзной атаке, и о жизни дорогой и любимой жены министра госпожи Вэй Цюнян и Цянь Линя не стоит слишком беспокоиться.

Всё хорошенько обдумав, князь с облегчением выпустил длинный выдох, похлопав по груди:

— Оказывается, ложная тревога. Ты, подлец, прекрасно понимая всё положение, не волнуешься и ещё намеренно разыграл комедию, пугая меня, и раз уж всё хорошо спланировано и вскоре был отправлен гонец, тогда зачем тебе говорить, что через пару дней собираешься уезжать, а?!

Жун Тянь согнул пальцы и, словно устроив взбучку, постучал по голове[14] Фэн Мина:

— Уже хотел было тебя похвалить за то, что хоть что-то, но понял. Тун-эр только сейчас получит новости касаемые Юэчжун, а о моём местоположении ему ничего не известно, что в дальнейшем приведёт к спорам и потрясению в стенах императорского дворца Силэй, ведь дела подобного рода крайне деликатные. Возможно, данное известие заставит немедля отозвать силэйских посланников[15], а не последовав за ними, как я смогу этому негодяю, Су Цзиньчао, надрать зад в отместку за тебя?

На что Фэн Мин, обратившись к мужчине, скорчил гримасу:

— То, что целыми днями думаешь о заднице того негодяя — это лишь на словах, как по мне, ты же не станешь пускать слюни на кого-нибудь другого, верно?

— Конечно! — откровенно заявил Жун Тянь, но вскоре с серьёзным видом добавил: — При мысли о том банкете, на котором он досаждал тебе, этому государю тотчас же хочется содрать с него штаны и бить до тех пор, пока его белая задница не превратится в мясо. — Договорив, мужчина изменился в лице и с удивлением покосился на любимого феникса.

Во вдумчивом взгляде читалась остринка, словно силэйский правитель, отыскав доказательства, хотел потребовать объяснений, а уголки губ дрогнули в злой ухмылке. Под тяжестью пронзающего взгляда Фэн Мину стало не по себе.

— Чего ты там смотришь на меня?

— Насчёт недавно прозвучавших слов, этот государь хочет с тобой поквитаться.

Но глядя на такой облик Его Величества, князю стало не до шуток — кожа на голове слегка онемела[16].

— Каких ещё слов?

— Каких? — Жун Тянь был невозмутим. — Только что кое-кто усомнился в стратегии этого государя, который, решив воспользоваться «выманиванием тигра с гор», может пожертвовать жизнью Цянь Линя и остальных людей? Оказывается, ты думаешь, что я из тех, кто не брезгает никакими приёмами.

Оказывается, об этих...

Как говорилось в идиоме — у злодея сердце дрожит от страха[17], из-за чего Его Светлость не осмелился встречаться взглядом с Жун Тянем и, опустив голову, прошептал:

— Я[18] просто как захотел, так и подумал.

— За ошибки полагается наказание.

— Опять наказание? — завопил князь.

— Конечно, — и Жун Тянь, не выдержав, засмеялся. — Или сегодня ночью ты сыграешь на флейте[19], или завтра никуда не поедешь, выбирай, какое предпочтёшь наказание.

— Протестую! Тиран! Я хочу третье!

— Третье — это объединить первые два: и на флейте поиграть, и никуда не ехать.

— Тиран...

— Скорее выбирай, иначе я помогу тебе выбрать третье наказание.

— Я не хочу оставаться завтра в своей опочивальне, поэтому лучше выберу флейту. А... я могу сыграть на флейте господина Ду Фэна?

— Что ты сказал?

— Уа! Ты всё неправильно понял, а! Я имел в виду нефритовую флейту, подаренную мне господином Ду Фэном, а не ту «флейту»[20], о которой ты думаешь.

— Неважно, какая флейта, во всяком случае тебе запрещено брать в рот флейту другого мужчины, так что нефритовую сяо[21] этот государь забирает.

— Отдай! Отдай! Негодный[22] Жун Тянь, ты ненормальный, пьющий уксус[23] государь, это подарок друга...

Примечания:

[1] В оригинале используется данная формулировка: 背手(bèishuǎle) — бэйшюалэ — которую можно перевести как «надули», «кинули», «развели».

[2] Фэн Мин называет Жун Тяня 梅节操的昏君 (méi jiécāo de hūnjūn) — мэй цзецао дэ хуньцзюнь — что в переводе означает «безнравственный несправедливый правитель», а также бранное «бессовестный тиран!» или ещё «безнравственный безголовый император».

[3] В оригинале используется прозвище 狼爪 (lángzhuǎ) — лан чжуа — дело в том, что в Китае, как и на Тайване, извращенцев называют волками (狼 — лан — волк), собственно «волчьи лапы» можно перевести как «лапы извращенца» или же «сексуальные домогательства». Также прозвище Лан (狼) может считаться метафорой, означающей порочного человека.

[4] 皮厚肉粗 (píhòu ròu cū) — пихоу жоу цу — досл. «кожа - грубая, мясо - толстое», означает «толстокожий», «маловосприимчивый».

[5] 瓮中捉鳖 (wèng zhōng zhuā áo) — вэн чжун чжуа ао — «[как] черепаха в глиняном чане», обр. в знач.: находиться в ловушке; никуда не деться. Данная идиома служит метафорой безвыходного положения, то есть, что для одной стороны польза, то для другой — ловушка.

[6] Фэн Мин произносит 𠄎(áo) — Ао. Ао — мифическая гигантская морская черепаха, несущая на спине Пэнлай, остров бессмертных.

[7] В оригинале используется 𠄎(chuáng bǎn) — чуан бань — переводится как «кроватьная доска», обычно такую доску «стелят» на кровать между пружинистой подкладкой (матрасом) и соломенной подстилкой, сама доска твёрдая, но тонкая и широкая. А также слово может означать простую жесткую кровать без каркаса и пружин.

[8] Обр. в знач.: отвлечь внимание противника, выманить врага из укреплённой базы. Также это отсылка к 15-ой военной стратагеме: «выманить тигра с гор на равнину».

[9] В оригинале фраза звучит как 𠄎(sāndiǎn) — саньдянь — ее можно перевести как «три точки», «три пятнышка». Само начертание иероглифов берёт начало в древней Индии, где тремя точками выражали букву i (кара [kara]) — (•:). В тохарских языках в начертании иероглифа «С» использовались три точки, отсюда и название «три точки». В буддийской религии они несли в себе обучающие догмы. В книге «Нирвана-сутра» шла речь о тройке добродетели: дхармакая, праджня и мокша — прямота/нравственность; твёрдость/ум; человечность/сыновья почтительность. А также, если брать санскрит, то эта фраза ещё указывает на трёх гунов: саттва-гуна («гуна благости»), раджо-гуна («гуна страсти») и тамо-гуна («гуна невежества»).

[10] В оригинале 𠄎(tiānjī) — тяньцзи — можно перевести как «небесный секрет», который не так-то просто раскрыть. А также «деяния императора» (обр. о государственных делах).

[11] 𠄎(sīpòliǎn) — сыполян — букв. «разорвать лицо», обо. в знач.: [публично] разорвать отношения; рассориться; испортить отношения.

[12] 𠄎(gǒu yǎo gǒu liǎng zuǐ máo) — гоуяогоу лян цзуй мао. Идиома «когда собаку грызёт собака, у обоих во рту шерсть» означает внутренние раздоры.

[13] Идиома звучит так: 𠄎(yùbàng xiāngzhēng, yúwēng déli) — юйбан сянчжэн юйвэн дэли — «птица-рыболов и устрица вцепились друг в друга, а выгода досталась рыбаку», и означает, что в конфликте двух сторон выгода достаётся третьему. Можно сравнить с русскими пословицами: орлы бьются, а молодым перья достаются; кошки грызутся — мышам раздолье.

[14] 𠄎(lìbào) — ли бао —означает не только «пощёчина или оплеуха», но также имеется в виду, сжав кулаки или пальцы, костяшкой среднего пальца постучать по чему-либо или кому-либо. Щелбан также обозначается подобной фразой.

[15] 𠄎(wénshū shǐtuán) — вэньшу шитуань — можно перевести как «секретари с дипломатической миссией».

[16] 𠄎(tóupí fāmá) — тоупи фама — «кожа на голове немеет» — то же, что «кровь стынет в жилах от страха», испугаться.

[17] Идиома, означающая «нечистая совесть покоя не даёт».

[18] Фэн Мин называет себя 閤閤(génjiā) — жэньцзя — это можно перевести как «я» (выражает близость с собеседником, обычно шутливо или с оттенком каприза), а можно и «жёнущка» или «будущий муж».

[19] Сделать минет.

[20] Фэн Мин говорит 下流(xiàliú) — сялю — что можно перевести как «нижний»; «непристойный», «пошлый», «грязный».

[21] 玉箫(yù xiāo) — юй сяо — «нефритовая сяо» — красивое название флейты.

[22] Фэн Мин называет мужчину 混蛋(hùnzhàng) — хуньчжан — это не только переводится бранным словом «негодяй», «бесстыдник», но и жаргонным «делить палатку (с партнёром)».

[23] Проще говоря, Фэн Мин называет Жун Тяня ревнивым извращенцем, то есть 变态(biàntài de chīcù) — бьянтай дэ чицу — если по-иероглифно, то 变态(бьянтай дэ) означает «ненормальный», «извращённый», 吃醋(chīcù) — «пить уксус» (обр. в знач.: ревновать, быть ревнивым).

<http://bllate.org/book/13377/1584218>